МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
MUSIC EDUCATION

УДК 78.071: 378.978 *DOI: 10.52469/20764766_2026_03_38*

К. А. ЖАБИНСКИЙ
Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова

ФЕРРУЧЧО БУЗОНИ И МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ В СВЕТЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В данной статье освещается непродолжительный период сотрудничества прославленного итальянского пианиста, композитора и педагога с Московской консерваторией: в течение 1890/1891 учебного года 24-летний профессор Ф. Бузони преподавал здесь на фортепианном отделении. После этого он решил, вопреки ожиданиям учащихся-энтузиастов и директора консерватории В. Сафонова, не продлевать заключенный контракт, отправившись в США (Бостон, далее – Нью-Йорк), а по возвращении – в Германию. Столь неожиданная «перемена участи» впоследствии вызвала разнообразные предположения и догадки, изложенные первоначально в «околомузыкальной» беллетристике (повесть «В музыкальной бурсе» А. Шепелевского), затем – на страницах исследовательской литературы (монография Г. Когана и позднейшие музыковедческие публикации о Ф. Бузони). В статье предпринят опыт документированного исследования тогдашних событий: с одной стороны, учитываются мемуарные свидетельства отечественных музыкантов, тесно связанных с Московской консерваторией на рубеже XIX–XX столетий (А. Гольденвейзер, Е. Гнесина, С. Василенко и т. д.), с другой, – фактические «итоги» преподавательской деятельности Ф. Бузони в Москве, зафиксированные на страницах официального документа – Отчета Московского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1890/1891 год (включая консерваторию, финансируемую ИРМО и ему «подведомственную»). Сопоставление указанных свидетельств и статистических данных позволяет сделать вывод о недостаточной подготовленности молодого педагога к работе в тогдашней России (поверхностное восприятие преобладающего контингента обучаемых, существенные языковые проблемы, весьма приблизительная осведомленность о финансовых условиях и т. д.). Отсюда проистекает необходимость более объективного и многостороннего освещения «московского периода» в современных биографиях Ф. Бузони.

Ключевые слова: Ф. Бузони, педагогическая деятельность, Московская консерватория, В. Сафонов, Московское отделение ИРМО.

Для цитирования: Жабинский К. А. Ферруччо Бузони и Московская консерватория: исторические факты в свете музыкальной беллетристики и документальных материалов // Южно-Российский музыкальный альманах. 2026. № 3. С. 38–45.

DOI: 10.52469/20764766_2026_03_38

K. ZHABINSKY
S. Rachmaninov Rostov State Conservatory

FERRUCCIO BUSONI AND MOSCOW CONSERVATORY: HISTORICAL FACTS IN THE LIGHT OF MUSICAL FICTION AND DOCUMENTARY MATERIALS

The article examines the short-lived collaboration of the renowned Italian pianist, composer, and pedagogue with the Moscow Conservatory: during the 1890/1891 academic year, 24-year-old Professor

F. Busoni taught in the piano department there. Afterward, contrary to the expectations of enthusiastic students and the Conservatory's director, V. Safonov, he decided not to renew his contract, departing for the United States (Boston, further New York), and after return – for Germany. This unexpected "change of fortune" subsequently gave rise to a variety of assumptions and conjectures, initially presented in non-musical fiction (A. Shepelevsky's tale "In the Musical Seminary"), then in scholarly literature (G. Kogan's monograph and later musicological publications on F. Busoni). The article attempts a documented study of the events of that time, which, on the one hand, takes into account the memoirs of Russian musicians closely associated with the Moscow Conservatory at the turn of the 20th century (A. Goldenveiser, E. Gnesina, S. Vasilenko, etc.), and on the other hand, relies on the actual "results" of F. Busoni's teaching activity in Moscow, recorded in the pages of an official document – the Report of the Moscow Branch of the Imperial Russian Musical Society for 1890/1891 (including the Conservatory, financed by the IRMS and "subordinated" to it). A comparison of the aforementioned testimonies and statistical facts allows us to conclude that the young teacher was insufficiently prepared for work in Russia at that time (a superficial perception of the predominant contingent of students, significant language problems, a very rough understanding of financial conditions, etc.). This necessitates a more objective and comprehensive coverage of the "Moscow period" in modern biographies of F. Busoni.

Keywords: F. Busoni, pedagogical activities, Moscow Conservatory, V. Safonov, Moscow Branch of Imperial Russian Music Society.

For citation: Zhabinsky K. Ferruccio Busoni and Moscow Conservatory: historical facts in the light of musical fiction and documentary materials. In: South-Russian Musical Anthology. 2026. No. 3. Pp. 38–45.

DOI: 10.52469/20764766_2026_03_38

Среди наиболее памятных событий, которыми ознаменовался 1890/1891 учебный год в Московской консерватории, несомненно, запечатлелась педагогическая деятельность 24-летнего Ферруччо Бузони – выдающегося пианиста, композитора, педагога с мировым именем, а в этот период новоиспеченного «сверхштатного профессора второй степени» (профессорское звание было присвоено Ф. Бузони лишь несколькими месяцами ранее). На поверхностный взгляд, преподавательская работа в Москве складывалась для молодого музыканта весьма благоприятно. В его класс были зачислены 30 учеников, что в полтора раза превышало изначальную договоренность [1, с. 71; 2, с. 88]; при этом директор консерватории В. Сафонов передал Ф. Бузони значительную часть своего класса[1]. Названное обстоятельство, впрочем, не мешало новому профессору вести довольно активную исполнительскую деятельность (включая гастрольные поездки), уделять существенное внимание методической работе (именно в Москве была завершена работа над весьма популярной и сегодня редакцией баховских «Инвенций и симфоний»), etc. Тем более разочаровывающей выглядела новость, обнародованная в конце учебного года: Ф. Бузони решил не продлевать контракт с Московской консерваторией, отправившись за океан – в далекий Бостон (США), где набирала силу «New England Conservatory». Чем же мотивировалось указанное решение молодого педагога?

Формальные мотивы этого переезда – финансовые и организационные – как будто не представлялись «тайной за семью печатями». Во-первых, из переписки Ф. Бузони и В. Сафонова, предшествовавшей заключению контракта, изначально явствовало, что далеко не все предложенные условия в полной мере устраивали будущего профессора. В. Сафонов, однако, продемонстрировал вполне закономерную осмотрительность (права директора в плане корректировки условий преподавательской работы были ограничены Уставом консерватории, а также требованиями ИРМО) и радикально пересматривать соответствующую форму не стал. Тогда Ф. Бузони обозначил свою приоритетную роль в решении вопроса о продлении (либо расторжении) контракта и этой договоренностью не преминул воспользоваться позднее [4, с. 29].

Во-вторых, на рубеже 1880–1890-х годов, благодаря информации, которая активно распространялась видными русскими музыкантами, побывавшими на гастролях за океаном, в Москве стало известно о чрезвычайно выгодных условиях концертно-исполнительской деятельности на территории США. (В частности, об этом сообщал П. Чайковский в переписке с А. Зилоти – см.: [5, с. 134–135]). Поскольку осенью 1890 года Ф. Бузони приобрел официальный статус «главы семьи», финансовое обеспечение последней неизбежно оказывалось насущной задачей (его бракосочетание, кстати, состоялось в Москве). Не случайно Ф. Бузони «задержался» в США на целых четыре года, хотя оценивал уровень музыкального исполнительства и образования в Америке весьма скептически[2].

При этом в советской и постсоветской специальной литературе, начиная с середины 1930-х годов, получила распространение другая трактовка вышеописанных событий. Она была инспирирована публикацией в журнале «Советская музыка» нескольких фрагментов из автобиографической повести «В музыкальной бурсе» пианиста А. Шепелевского – выпускника Московской консерватории. Инициатор данной публикации Г. Коган охарактеризовал повесть как «…живую по форме и *ценную по фактическому материалу* зарисовку "быта и нравов"… консерватории и околоконсерваторской среды…» начала 1890-х годов ([8, с. 46]; курсив мой. – К. Ж.)[3]. И подлинная фамилия автора, и фамилии запечатлеваемых персонажей – реальных исторических лиц – были заменены псевдонимами, однако большинство из них раскрывалось редакцией (см. подробнее: [10, с. 8]). При этом особое внимание уделялось фрагментам, связанным с «картинным изображением» педагогической деятельности Ф. Бузони: автор повести прямо указывал, что ему посчастливилось в течение года обучаться в классе «молодого профессора Бернарди», а также доверительно общаться с ним в неофициальной обстановке после занятий.

По-видимому, А. Шепелевским впервые было выдвинуто (условно говоря, от лица Ф. Бузони – «литературного персонажа») и фактическое обвинение в адрес тогдашнего «директора консерватории», будто бы принудившего молодого зарубежного коллегу к увольнению. Попутно высказывались и другие «обоснования»: во-первых, «пришелся не ко двору» в тогдашней «бурсацкой атмосфере» консерватории, обнаружив «европейское воспитание» и подлинную «интеллигентность»; во-вторых, «решительно был не признан в Москве как пианист», особенно «московскими ценителями в московских салонах», – однако центральным аргументом явилось «недовольство директора», раздраженного чрезмерной «интеллигентностью» Ф. Бузони-педагога: это якобы препятствовало плодотворной работе в классе и достижению видимых результатов («если ученик плохо играет, директор… говорит, что профессор плох» [8, с. 48–49]).

Разумеется, подобного рода «мемуарные инвективы», фигурирующие на страницах «художественного произведения», следовало бы трактовать исключительно в качестве субъективного «авторского мнения» – не более того. Каких-либо позитивных откликов, принадлежащих московским музыкантам, которые лично знали Ф. Бузони, В. Сафонова или других тогдашних профессоров консерватории, на публикацию указанных «очерков бурсы» обнаружить не удается. Известны резко отрицательные суждения по поводу этой публикации (например, оценка А. Гольденвейзера)[4]. Известно также, что в монографии Я. Равичера о В. Сафонове «художественный опус» А. Шепелевского не фигурирует вовсе, но с полным основанием подчеркивается, что именно В. Сафонов выступил инициатором приглашения Ф. Бузони в Московскую консерваторию (о чем, в свою очередь, не упоминает А. Шепелевский) [14, с. 19]. Тем не менее, в монографии Г. Когана, посвященной Ф. Бузони (1964), вслед за пространными цитатами из «Музыкальной бурсы» воспроизводятся (хотя и без адресации к соответствующему источнику) давние «аргументы» А. Шепелевского: к примеру, Ф. Бузони «…вызывал своей игрой скорее уважение, чем горячую симпатию слушателей»; «невзлюбил итальянского музыканта и всевластный директор консерватории Сафонов» (впрочем, далее прибавлен отсутствующий у А. Шепелевского апокрифический каламбур «Безруччо Бестони», якобы принадлежавший тому же В. Сафонову). Обратившись ко второму изданию упомянутой книги (1972), можно убедиться в том, что отечественные мемуарные очерки или фрагменты из воспоминаний, посвященные Ф. Бузони и поиному трактовавшие историю его взаимоотношений с «всевластным директором» В. Сафоновым, попросту игнорировались Г. Коганом (включая, например, воспоминания Е. Гнесиной, учившейся в классах обоих профессоров – В. Сафонова и Ф. Бузони; этот очерк был опубликован в известном сборнике к 100-летию Московской консерватории несколькими годами ранее [6, с. 25–26; 3, с. 173–174])[5].

За прошедшие 60 лет советская и российская литература о Ф. Бузони и В. Сафонове обогатилась многочисленными архивными публикациями. В частности, обнародованная переписка этих музыкантов, датируемая концом XIX – началом XX века, наглядно свидетельствует, что уважительные отношения В. Сафонова и Ф. Бузони становились все более сердечными (они в дальнейшем общались на «ты»). Последний «с большой теплотой» вспоминал о своем пребывании в Московской консерватории и подчеркивал значимость его успешных гастролей в России [4, с. 30]. Вот почему, не ограничиваясь планированием совместных концертных программ, В. Сафонов в 1897 году предлагал Ф. Бузони возобновить педагогическую деятельность в консерватории. (Естественно, последнее оказалось бы в принципе невозможным, если бы ранее «всевластный директор» позволил себе откровенно критиковать индивидуальную методику работы с учениками, разработанную Ф. Бузони)[6]. В свою очередь, итальянский маэстро, вспоминая о своем пребывании в России, порой скептически отзывался

о наших соотечественниках – «нерадивых» учащихся фортепианного отделения Московской консерватории, однако не подвергал сомнению профессиональную компетентность В. Сафонова. Об этом свидетельствует и обнаруженный в архиве Ф. Бузони примечательный автограф 1898 года – краткое изложение системы фортепианного «тренинга», разработанной В. Сафоновым и получившей в дальнейшем лаконичное именование «Новая формула» (см.: [12, с. 615]). Можно с уверенностью констатировать, что при отсутствии взаимного интереса к данной проблематике В. Сафонов не стал бы знакомить со своими методическими разработками Ф. Бузони; последний же, разумеется, едва ли сохранил бы этот нотный листок в своем личном архиве.

Более рельефные очертания приобретает ныне «финансовая подоплека» взаимоотношений Ф. Бузони с начальством. Официальный отчет Московского отделения ИРМО по итогам 1890/1891 года содержит весьма примечательную информацию о заработках профессоров старшего отделения фортепиано, преподававших в консерватории. Так, сумма выплат, начисленных Ф. Бузони по итогам данного учебного года, составила около 1420 рублей; гонорары его коллег оказались несравненно выше: А. Зилоти получил более 2000 рублей, П. Пабст – около 1840 [1, с. 109]. Чем объяснить такую диспропорцию: разницей в профессорском стаже, длительными концертными турне Ф. Бузони (с отсутствовавшей далее «компенсацией» пропущенных уроков) или же отсутствием по «медицинским показателям» (болезни)? Представляется вполне допустимым и то, и другое, и третье (как порознь, так и в совокупности).

Однако решающим фактором, безусловно, явилась малоутешительная «статистика» Ф. Бузони-педагога: из 30 учеников, начинавших занятия под его руководством, шестеро (!) покинули класс уже в конце первого полугодия[7]; отнюдь не равнозначной «компенсацией» представлялось позднейшее «дополнительное» зачисление одной (!) студентки [1, с. 71]. Для сравнения отметим, что у других профессоров соответствующие показатели выглядели гораздо более оптимистичными. Так, А. Зилоти, открывая учебный год с явно меньшим количеством учащихся (24), обошелся без «потерь» и во втором семестре даже сумел увеличить собственный «контингент» (в его классе учебный год завершили 26 студентов). У П. Пабста (также 26 учеников) сохранилось первоначальное «равновесие» – вместо ушедшей студентки был зачислен ее однокурсник, ранее посещавший занятия у Ф. Бузони. В сафоновском классе, невзирая на видимую перегруженность директора административными и хозяйственными делами, учебный год вполне успешно завершили 9 из 10 учащихся. Иными словами, вновь принятый молодой педагог единолично, сам того не ведая, на протяжении 4–5 месяцев нанес ощутимый «урон» своему факультету и всей консерватории – в равной степени финансовый и «репутационный»[8]. Таким образом, у директора имелись конкретные веские мотивы для выражения определенного разочарования и «недовольства», как выразился в «повествовании о музыкальной бурсе» А. Шепелевский, хотя если бы что-то подобное произошло в действительности, Ф. Бузони едва ли ограничился бы «задушевной беседой» об этом лишь с одним из учеников своего класса.

Разумеется, упомянутые финансовые итоги едва ли могли воодушевить молодого педагога. Компенсировать потери в заработной плате, естественно, позволяли дополнительные занятия[9], однако в классе Ф. Бузони, скорее всего, желающие оплатить подобный труд педагога отсутствовали. Другим источником дополнительного заработка традиционно являлись частные уроки, но в данном случае требовались и довольно протяженное время, и определенные усилия: следовало завоевать популярность в качестве исполнителя «экстра-класса» или устойчивую профессиональную репутацию «солидного» фортепианного педагога. Ни тем, ни другим Ф. Бузони в ту пору не располагал (как известно, результаты Первого Рубинштейновского международного конкурса в целом оказались для итальянского музыканта не вполне удачными, его позднейшие концертные выступления в Москве были встречены критиками и публикой весьма сдержанно, о педагогических успехах 24-летнего профессора в далеком Гельсингфорсе было известно лишь узкому кругу специалистов), а прибегать к помощи рекламы в газетах консерваторские педагоги не имели права[10].

Довольно болезненной представляется языковая проблема, отмечаемая в ряде мемуарных очерков: Ф. Бузони совершенно не знал русского языка. Вероятно, он немногим лучше владел французским – во всяком случае, на занятиях с учениками и в деловой переписке до начала 1900-х годов использовал немецкий (либо итальянский, если речь шла о соотечественниках)[11]. Для консерваторской среды это не было существенной проблемой, однако потенциальная клиентура в Москве, способная оплачивать его фортепианные уроки (дворянская или купеческая), среди иностранных языков традиционно отдавала предпочтение французскому. Показательно, впрочем, другое: несмотря на очевидные финансовые потери в профессиональной области и психологический дискомфорт

в повседневной жизни (Ф. Бузони мог полноценно общаться лишь с очень немногими из коллег – в частности, с П. Пабстом и А. Зилоти), молодой профессор консерватории не проявлял сколько-нибудь заметного желания учить русский язык. Очевидно, уже тогда вероятная перспектива скорого отъезда из России фигурировала в качестве наиболее доступного средства разрешения «лингвистических проблем» для молодой «итальянско-шведской» семьи. Более того, соответствующему намерению могла (вольно или невольно) способствовать конфликтная ситуация, возникшая в отношениях А. Зилоти с директором консерватории весной 1891 года, после чего давний приятель Ф. Бузони изъявил намерение уволиться из консерватории и уехать в гастрольное турне[12].

Подводя итог сказанному, необходимо заметить, что в настоящее время продуктивная исследовательская работа отечественных специалистов, изучающих «московский период» творческой деятельности Ф. Бузони, весьма причудливым образом сочетается с тиражированием давних стереотипов, которые некогда были заимствованы из беллетристики «обличительно-тенденциозного» плана и с годами приобрели видимый облик «авторитетных свидетельств»[13]. Вероятно, целенаправленные усилия, способствующие воссозданию реальных исторических фактов, позволят не только сформировать более достоверную картину вышеназванного «московского периода». Безусловно актуальной представляется необходимость появления новой «русской книги о Бузони», в полной мере соответствующей требованиям современной отечественной музыкально-исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Как отмечала Е. Гнесина, первоначально В. Сафонов планировал «…оставить у себя только четырех выпускников» [3, с. 173], однако в дальнейшем под его руководством занимались десять учащихся.

[2] По утверждению Г. Когана, именно в «американский период» совершился «…тот перелом, результатом которого явилось рождение нового Бузони – великого артиста, поразившего мир и составившего эпоху в истории пианистического искусства» [5, с. 26]. Современные исследователи, опираясь на публицистические и эпистолярные высказывания самого музыканта, по-иному оценивают упомянутое четырехлетие: «Впечатления Бузони от постановки образования в Консерватории Новой Англии были обескураживающими. Бостон, поначалу показавшийся ему “почти второй Веной”, быстро разочаровал. Здесь он почувствовал мертвящий дух коммерции, несовместимый с искусством. <…> Бузони угнетала узость мышления “типичных американцев”, считавших второстепенным все, что не относилось к деловой жизни. В культурной жизни США он усматривал пугающие тенденции, ведущие к профанации и упадку искусства», и т. д. [6, с. 113]. Однако возвращение Бузони в Европу, тем не менее, оказалось возможным лишь в 1894 году, после выполнения контрактных гастрольных обязательств в Нью-Йорке.

[3] Цитируемая заметка не подписана; авторство Г. Когана удостоверяется новейшим перечнем его публикаций (см.: [8, с. 389]).

[4] «Я ничего не знаю о личности А. Левитина – автора повести “Музыкальная бурса” (sic! – К. Ж.). Повесть эта чрезвычайно плоха и крайне неверно освещает жизнь консерватории тех времен и некоторых ее работников», – писал А. Гольденвейзер в 1960 году [10, с. 240–241]. Единственное мемуарное свидетельство, отчасти перекликающееся с утверждениями А. Шепелевского, содержится в рукописи «Воспоминаний» С. Василенко: «…Бузони прожил в Москве недолго – благодаря тому, что не угодил чем-то Сафонову, и тот его выжил» [цит. по: 11, с. 270]. Впрочем, здесь же представлена «альтернативная» версия: Ф. Бузони в 1890 году «…еще не имел славы композитора и виртуоза, какую приобрел впоследствии. На него сравнительно мало обращали внимания <…>. Он пробыл у нас недолго» [12, с. 90]. Оба цитируемых фрагмента явно изложены с «чьих-то слов», поскольку консерваторское обучение С. Василенко датируется более поздним временем (а близкое знакомство с В. Сафоновым произошло еще позднее, на рубеже 1890–1900-х годов). Известно, что большая часть «Воспоминаний» была написана после Великой Отечественной войны, и вряд ли допустимо категорически утверждать, что их автор тогда не был знаком с «повестью о музыкальной бурсе».

[5] Следует напомнить, что Е. Гнесина принадлежала к числу московских учениц Ф. Бузони, наиболее высоко ценимых приглашенным маэстро. Это фактически признавал и А. Шепелевский, именуя «Мельникову» (псевдоним Гнесиной в «Повести о музыкальной бурсе») не иначе как «любимицей Бернарди» [7, с. 51; ср. 9, с. 8]. Вероятно, соответствующая «фигура умолчания» обусловливалась давним «гиперкритическим» отношением Г. Когана к Московской консерватории, с которой были тесно связаны все упомянутые мемуаристы (М. Баринова, Р. Глиэр, Д. Шор, Е. Гнесина, А. Гольденвейзер и др.).

[6] В цитируемом очерке Е. Гнесиной особо подчеркиваются сходные моменты, присутствовавшие в методике преподавания В. Сафонова и Ф. Бузони. Так, обязательное изучение «двух- и трехголосных инвенций Баха» в классе Ф. Бузони прокомментировано следующим образом: «Все это мне было очень легко, так как *в классе Сафонова я тоже прошла все инвенции*. И как это было полезно!» ([2, с. 173–174]; курсив мой. – К. Ж.). Что же касается нового предложения относительно педагогической работы в Москве, то Ф. Бузони отклонил его,

руководствуясь принципиальными соображениями: «Жизнь концертирующего артиста не вписывалась в строгие рамки академической дисциплины. Настоятельная потребность в композиторском творчестве побуждала к экономии времени <…> Поэтому Бузони выбирает свободу – отныне он постарается… не сковывать себя долговременными контрактами с учебными заведениями…», будь то США, Россия, Германия, Австрия, Швейцария и т. д. [7, с. 113].

[7] Е. Гнесина осторожно упоминает о том, что методические принципы Ф. Бузони «…не очень понравились ученицам, но "пришлось подчиниться" <…>» [3, с. 173]. Бывший выпускник «музыкальной бурсы» А. Шепелевский весьма красочно описывает конфликт профессора с одним из «строптивых» учеников, завершившийся демонстративным уходом последнего из класса [8, с. 48]. Следует полагать, что реальное количество «протестантов» оказалось фактически гораздо большим – 20% пианистов, занимавшихся под руководством Ф. Бузони, вскоре оформили переходы к другим профессорам либо отказались продолжать обучение в консерватории.

[8] Из обстоятельных цифровых выкладок, приводимых в отчете Московского отделения ИРМО за 1890/1891 год, можно заключить, что консерваторский бюджет по итогам обозначенного периода был утвержден с внушительным дефицитом (около 135 тысяч рублей – см.: [1, с. 135]). Сообразно этому, В. Сафонов, который немногим отличался в данной ситуации от «кризисного управляющего», был вынужден уделять максимум внимания целенаправленному увеличению «доходной части» упомянутого бюджета, включая планомерный рост количества обучающихся – прежде всего пианистов как наиболее многочисленных групп и старшего (собственно вузовского), и младшего отделений консерватории.

[9] Судя по всему, данной возможностью с успехом пользовался П. Пабст, увеличивший тем самым итоговую сумму полученных им консерваторских выплат более чем на треть (см.: [1, с. 109]).

[10] Соответствующий пункт официального контракта, направленного Ф. Бузони, особо упоминается исследователями [15, с. 496].

[11] В повести А. Шепелевского «профессор Бернарди» крайне редко переходит на французский язык, ограничиваясь лишь весьма лаконичными идиомами, что заметно усложняет процесс его общения с учениками (см.: [8, с. 51]). По воспоминаниям А. Гольденвейзера, «…совсем еще молодой Бузони… был встречен профессорами более старшего возраста несколько скептически: вот, мол, пригласили какого-то мальчишку. Отчужденность эта усугублялась еще и тем, что Бузони ни слова не знал по-русски»; единственным коллегой, проявившим доброжелательность и поддерживавшим новичка, оставался П. Пабст [16, с. 196]. В свою очередь, Е. Гнесина, на протяжении учебы снимавшая квартиру «по соседству» с молодым педагогом, отмечает: «…профессору и его жене… очень трудно жилось, так как они не знали ни русского языка, ни Москвы, ни ее традиций» [3, с. 174].

[12] В семейной переписке сестер В. и А. Третьяковых (жены и свояченицы А. Зилоти соответственно), датируемой 1887–1888 годами, упоминаются заграничные домашние «посиделки» супругов Зилоти с участием Ф. Бузони [17, с. 337]. Судя по описаниям, знакомство А. Зилоти и Ф. Бузони произошло именно в указанный период, и утверждение относительно их более ранней встречи на «мастер-курсах» Ф. Листа в Веймаре (1884 год) следует признать ошибочным [Там же, с. 326]. После приезда Ф. Бузони в Москву, хронологически предшествовавшего отмеченному выше конфликту А. Зилоти и В. Сафонова, прежнее общение, скорее всего, не возобновилось (какие-либо свидетельства по этому поводу отсутствуют, за исключением довольно расплывчатого предположения о московской «дружбе с Зилоти», высказываемого отдельными зарубежными биографами Ф. Бузони; см.: [18, с. 58]).

[13] Соответствующие «аберрации» получили отражение в целом ряде исследовательских очерков и энциклопедических статей, вплоть до новейшего времени (см. об этом подробнее: [19, с. 131–133]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет Московского отделения ИРМО за 1890/1891 год. М.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1892. 169 с.

2. *Сафонов В. И.* Избранное: «Давайте переписываться с американской быстротою…»: Переписка 1880–1905 гг. / сост. Е. Д. Кривицкая, Л. Л. Тумаринсон. СПб.: Петроглиф, 2011. 760 с.

3. *Гнесина Е. Ф.* Из моих воспоминаний о Ферруччо Бузони // Воспоминания о Московской консерватории / сост. Е. Н. Алексеева и Г. А. Прибегина. М.: Музыка, 1966. С. 172–174.

4. Письма зарубежных музыкантов XIX–XX веков из фондов Музея музыкальной культуры: аннотированный каталог / сост. Н. С. Востокова, К. Н. Игнатьева. М.: ГЦММК им. М. И. Глинки, 2002. 432 с.

5. *Чайковский П. И.* Полное собрание сочинений: Литературные сочинения и переписка: в 17 т. М.: Музыка, 1977. Т. XVI-А: Письма: 1891 г. М.: Музыка, 1978. 376 с.

6. *Коган Г. М.* Ферруччо Бузони. Изд. 2-е, доп. М.: Советский композитор, 1971. 232 с.

7. *Бородин Б. Б.* Концепция «единства музыки» и ее проявление в педагогике Ферруччо Бузони // История музыкального образования: новые исследования: материалы Всероссийского науч. семинара VIII сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. Екатеринбург: УГК им. М. П. Мусоргского, 2022. С. 105–128.

8. *Левитин А. (Шепелевский А. М.)* Три отрывка из повести «В музыкальной бурсе» // Советская музыка. 1936. № 2. С. 46–51.
9. *Коган Г. М.* Виденное, слышанное, думанное, деланное: Роман моей жизни / публ. С. В. Грохотова и М. А. Дзюбенко. М.: МГК им. П. И. Чайковского, 2019. 412 с.
10. *Демидов В. В.* От редактора // Шепелевский А. М. В музыкальной бурсе: повесть. Великий Новгород: Новгород, 2004. С. 7–10.
11. А. Б. Гольденвейзер: Статьи, материалы, воспоминания / сост. и ред. *Д. Д.* Благой. М.: Советский композитор, 1969. 448 с.
12. «Трудись и надейся…»: Василий Сафонов: новые материалы и исследования / ред.-сост. *Л. Л.* Тумаринсон. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 704 с.
13. *Василенко С. Н.* Воспоминания. М.: Советский композитор, 1979. 376 с.
14. *Равичер Я. И.* Василий Ильич Сафонов. М.: Музгиз, 1959. 368 с.
15. *Кириллина Л. В.* Ферруччо Бузони в России // Московская консерватория в прошлом, настоящем и будущем: материалы Международной науч. конф. М.: МГК им. П. И. Чайковского, 2018. С. 494–503.
16. *Гольденвейзер А. Б.* Воспоминания / сост. Е. И. Гольденвейзер и др. М.: Дека-ВС, 2009. 560 с.
17. *Гриценко М. Н.* А. И. Зилоти и Третьяковы (Из семейного архива) // Александр Ильич Зилоти: Воспоминания и письма / сост. *Л.* М. Кутателадзе. *Л.*: Музгиз, 1963. С. 320–404.
18. *Заславская И. Б.* Ферруччо Бузони и Антон Рубинштейн // Антон Рубинштейн: сб. ст. Петрозаводск: ПГК им. А. К. Глазунова, 1997. С. 56–69.
19. *Жабинский К. А.* Ферруччо Бузони и Московская консерватория на рубеже 1880–1890-х годов: факторы творческого сотрудничества // История музыкального образования: новые исследования: материалы Всероссийского науч. семинара VIII сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. Екатеринбург: УГК им. М. П. Мусоргского, 2022. С. 129–146.

REFERENCES

1. Otchyot Moskovskogo otdeleniya IRMO za 1890/1891 god [The Report of Moscow Branch of the Imperial Russian Musical Society for 1890/1891 year]. Moscow: "Printing-House by S. Yakovlev" Company, 1892. 169 p.
2. *Safonov V.* Izbrannoe: «Davayte perepisyvat'sya s amerikanskoy bystrotoyu…»: Perepiska 1880–1905 gg. [Selected Works: "Let us correspond with American rapidity…": Correspondence of 1880–1905]. Comp. by E. Krivitskaya and L. Tumarinson. St. Petersburg: Petroglif, 2011. 760 p.
3. *Gnesina E.* Iz moikh vospominaniy o Ferruchcho Buzoni [Of my reminiscences on Ferruccio Busoni]. In: Vospominaniya o Mosnovskoy konservatorii [Recollections on Moscow Conservatory]. Comp. by E. Alekseeva, G. Pribegina. Moscow: Muzyka, 1966. Pp. 172–174.
4. Pis'ma zarubezhnykh muzykantov XIX–XX vekov iz fondov Muzeya muzykal'noy kul'tury [Letters of the foreign musicians from the funds of Musical Culture Museum]: annotated catalogue. Comp. by N. Vostokova, K. Ignatieva. Moscow: M. Glinka State Central Museum of Musical Culture, 2002. 432 p.
5. *Chaykovskiy P.* Polnoe sobranie sochineniy: Literaturnye proizvedeniya i perepiska [Complete Works: Literary Heritage and Correspondence]: in 17 vols. Moscow: Muzyka, 1977. Vol. XVI-A: Letters: 1891. 376 p.
6. *Kogan G.* Ferruchcho Buzoni [Ferruccio Busoni]. The 2nd suppl. ed. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1971. 232 p.
7. *Borodin B.* Kontseptsiya «edinstva muzyki» i eyo proyavlenie v pedagogike Ferruchcho Buzoni [The "unity of music" concept and its manifestation in pedagogics of Ferruccio Busoni]. In: Istoriya muzykal'nogo obrazovaniya: novye issledovaniya [History of music education: new researches]: materials of the All-Russian Seminar in bounds the Eighth session of the Research council on the problems of music education history. Ekaterinburg: M. Mussorgsky Ural State Conservatory, 2022. Pp. 105–128.
8. *Levitin A. (Shepelevskiy A.)* Tri otryvka iz povesti «V muzykal'noy burse» [Three fragments from the story "In the music seminary"]. In: Sovetskaya muzyka [Soviet Music]. 1936. No. 2. Pp. 46–51.
9. *Kogan G.* Vidennoe, slyshannoe, dumannoe, delannoe: Roman moey zhizni [That was seen, and heard, and made: A Novel of my life]. Publ. by S. Grokhotov, M. Dzyubenko. Moscow: P. Tchaikovsky Moscow State Conservatory, 2019. 412 p.
10. *Demidov V.* Ot redaktora [Preface of the editor]. In: Shepelevskiy A. V muzykal'noy burse [In the music seminary]: a story. Velikiy Novgorod: Novgorod, 2004. Pp. 7–10.

11. A. B. Gol'denveyzer: Stat'i, materialy, vospominaniya [A. Goldenveiser: Articles, materials, recollections]. Comp. and ed. by D. Blagoy. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1969. 448 p.
12. «Trudis' i nadeysya…»: Vasiliy Safonov: novye materialy i issledovaniya ["You must labor and hope…": Vasili Safonov: the new materials and research works]. Comp. and ed. by L. Tumarinson. Moscow – St. Petersburg: The Centre of Humanitarian Initiatives, 2017. 704 p.
13. *Vasilenko S.* Vospominaniya [Memoires]. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1979. 376 p.
14. *Ravicher Ya.* Vasiliy Il'ich Safonov [Vasili Safonov]. Moscow: Muzgiz, 1959. 368 p.
15. *Kirillina L.* Ferruchcho Buzoni v Rossii [Ferruccio Busoni in Russia]. In: Moskovskaya konservatoriya v proshlom, nastoyashchem i budushchem [Moscow Conservatory in the Past, Present and in Future]: materials of the International Research Conference. Moscow: P. Tchaikovsky Moscow State Conservatory, 2018. Pp. 494–503.
16. *Gol'denveyzer A.* Vospominaniya [Memoires]. Comp. by E. Goldenveyser and oth. Moscow: Deka-VS, 2009. 560 p.
17. *Gritsenko M.* A. I. Ziloti i Tret'yakovy (Iz semeynogo arkhiva) [A. Ziloti and Tretiyakovs (Of the family archives)]. In: Aleksandr Il'ich Ziloti: Vospominaniya i pis'ma [Alexander Ziloti: Recollections and letters]. Comp. by L. Kutateladze. Leningrad: Muzgiz, 1963. Pp. 320–404.
18. *Zaslavskaya I.* Ferruchcho Buzoni i Anton Rubinshteyn [Ferruccio Busoni and Anton Rubinstein]. In: Anton Rubinshteyn [Anton Rubinstein]: collected articles. Petrozavodsk: A. Glazunov Petrozavodsk State Conservatory, 1997. Pp. 56–69.
19. *Zhabinskiy K.* Ferruchcho Buzoni i Moskovskaya konservatoriya: faktory tvorcheskogo sotrudnichestva [Ferruccio Busoni and Moscow Conservatory: the factors of creative collaboration]. In: Istoriya muzykal'nogo obrazovaniya: novye issledovaniya [History of music education: the new researches]: materials of the All-Russian Seminar in bounds the Eighth session of Research council on the problems of music education history. Ekaterinburg: M. Mussorgsky Ural State Conservatory, 2022. Pp. 129–146.

Жабинский Константин Анатольевич
старший преподаватель, библиограф
Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова
Россия, 344002, Ростов-на-Дону
zhabinsky55@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2843-3388

Konstantin A. Zhabinsky
Senior Lecturer, Bibliographer
S. Rachmaninov Rostov State Conservatory
Russia, 344002, Rostov-on-Don
zhabinsky55@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2843-3388